

Весна, солнечный свет, стрекотание насекомых, море цветов, ручей, природа, покой — всё прекрасное, всё, что может исцелить тебя, кажется, заключено в этой фоновой музыке.

На экране кадры, где Чэнь Сяоцань идёт вперёд вместе с Цзян Дунгэ, намеренно перемежаются с событиями трёхлетней давности.

Три года назад Цзян Дунгэ точно так же, с улыбкой, вёл за собой неуверенную Чэнь Сяоцань в неведомое ей место.

— Чэнь Сяоцань, тебе не нужно бояться.

— Цзян Дунгэ, тебе не нужно бояться.

Море цветов три года назад было ещё прекраснее, чем сейчас.

Цзян Дунгэ, держа Чэнь Сяоцань за руку, побежал с ней в цветочное поле. После смеха и шуток он спросил:

— Чэнь Сяоцань, тебе здесь нравится?

Чэнь Сяоцань, никогда прежде не видевшая такого красивого цветочного моря, инстинктивно кивнула в ответ:

— Нравится, очень нравится.

Цзян Дунгэ улыбнулся и спросил:

— Если бы у тебя сегодня не хватило смелости меня ждать, ты бы точно не увидела такой красоты.

Чэнь Сяоцань, глядя на улыбающееся лицо Цзян Дунгэ в лучах заката, на мгновение задумалась.

Цзян Дунгэ продолжил:

— Чэнь Сяоцань, как бы человек ни жил, ему всегда нужна смелость. Если ты всё время будешь опускать голову, как же ты сможешь увидеть красоту вокруг?

Всё время опуская голову, невозможно разглядеть окружающий мир.

Чэнь Сяоцань, держа Цзян Дунгэ за руку, побежала вниз по цветочному полю и вернула ему слова, которые он сказал ей три года назад:

— Цзян Дунгэ, если всё время опускать голову, невозможно разглядеть окружающий мир. Подними голову и посмотри, ты помнишь это место?

Три женщины, ехавшие следом на машине, вышли и издалека наблюдали за Чэнь Сяоцань и Цзян Дунгэ.

— Что она делает?

— Может быть, у неё с Цзян Дунгэ есть какой-то секретный уговор.

Палец Цзян Дунгэ дрогнул.

Он осторожно высвободил свою руку из рук Чэнь Сяоцань.

Почувствовав это намеренное движение, Чэнь Сяоцань не стала его удерживать.

В глазах Цзян Дунгэ, до того казавшихся пустыми, словно появился блеск. Он мягко раздвинул цветы вокруг себя и медленно пошёл вперёд.

Фоновая музыка, которая немного стихла, снова зазвучала.

На экране кадры снова переключались между настоящим и прошлым. Когда Цзян Дунгэ, глядя в небо, сделал круг, он остановился.

Он обернулся, чтобы посмотреть на Чэнь Сяоцань, которая всё это время следовала за ним.

Чэнь Сяоцань, со слезами на глазах, скривила губы в улыбке и медленно показала весьма уверенную улыбку.

— Цзян Дунгэ.

Она вытащила руку из-за спины — в ней был очень скромно связанный букет.

Чэнь Сяоцань медленно подняла руку и протянула этот букет Цзян Дунгэ.

— Цзян Дунгэ, спасибо тебе, прости меня. Ты... ты можешь меня простить?

Цзян Дунгэ, опустив взгляд на букет, замер.

Камера медленно поднималась вверх, затем кадр сжимался, пока не побежали титры, и только тогда зрители поняли, что всё закончилось.

— Это всё?

— Неужели всё так и закончилось?

— Цзян Дунгэ в конце всё же очнулся?

— Не знаю, мне правда очень интересно, принял ли он извинения Чэнь Сяоцань.

— Меня тоже это беспокоит. Хотя этот финал и соответствует названию, но почему-то я остался не вполне удовлетворён.

— Аааааааа, опять этот пресловутый открытый финал артхаусного кино, боже мой, меня просто так и распирает от любопытства.

Чжу Юй, слушая эти обсуждения, медленно улыбнулся.

Фильм, казалось, имел большой успех.

Он поднял руку и первым начал аплодировать.

За ним последовала и большая часть зрителей в зале, которые, опомнившись, тут же встали и начали аплодировать. Услышав за спиной эту волну оваций, сидевшие в первом ряду актёры тоже вытирали слёзы и, собравшись, поднялись на сцену, чтобы поклониться.

Внизу, глядя на Ли Южун, Гун Цзайхэ с гордостью улыбнулась. Она аплодировала и сказала

стоящему рядом Тун Цзи:

— Господин Тун, ваши инвестиции на этот раз точно с лихвой окупятся.

Тун Цзи хихикнул:

— Я благодаря вам, сестра Гун, просто не знаю, сколько же вы заработаете на этот раз.

Гун Цзайхэ приподняла бровь:

— Я, конечно, получу то, что хочу.

Сказав это, она обернулась и посмотрела в определённую сторону.

Судя по пяти минутам оваций после окончания фильма, премьера «Прости, спасибо» прошла весьма успешно. Однако, чтобы пробиться в семидневный марафон майских праздников, явно недостаточно полагаться только на качество картины. Хотя и говорят, что хорошее вино само найдёт дорогу, но если эта дорога забита другими винными лавками, то и в забвении пропасть недолго.

Поэтому Гун Цзайхэ сделала ход.

1 мая, в первый день массового проката фильмов, генеральный директор «Яюй» Хэ Цинхэ опубликовал длинный пост в Weibo.

В посте было слишком много слов, и содержание сложно пересказать, но большинство людей, передавая его из уст в уста, узнали, что Хэ Цинхэ публично обвинил Цзян Ланьцин и многих других звёзд «Яюй» в том, что они, имея действующие контракты с агентством, тайно вели переговоры с другими сторонами и подписывали договоры. В конце Хэ Цинхэ не только раскритиковал такое поведение, но и намеренно или случайно упомянул некоторые малоизвестные подробности жизни этих звёзд.

Хэ Цинхэ работает в этой сфере уже более двадцати лет, и компромата у него накопилось — хоть отбавляй.

Этот длинный пост в Weibo, да ещё и с таким решительным отношением Хэ Цинхэ, буквально потряс половину шоу-бизнеса.

В нынешнем шоу-бизнесе, что самое важное для артиста? Его репутация. Как публичная фигура, если на нём есть хоть малейшее пятно, его не потерпят не только боссы агентств, но и зрители. Самый тяжёлый случай — это история, вскрытая несколько лет назад. Девушка, вышедшая из шоу талантов, сама по себе с талантом, и репутация после дебюта была неплохой, но после того как ассистент случайно проговорился, что она три года не возвращала долг банку, её имидж рухнул. В последние месяцы её видели собирающей мусор под мостом на втором кольцевом в Яньцзине, что вызывало у всех лишь вздохи сожаления.

Если задержка банковского кредита приводит к таким последствиям, что уж говорить о звёздах, которые пообещали одному, а подписали с другим?

В студии Цзян Ланьцин былолюдно и шумно.

В офисе Цзян Ланьцин не отрываясь смотрела на телефон, набирая номер. Когда гудки сменились на автоматическое сообщение оператора, она глубоко вдохнула.

Она подняла голову и посмотрела на своего агента Чэнь Вэя, который тоже говорил по телефону:

— У тебя дозвонились?

Чэнь Вэй, с озабоченным лицом, покачал головой:

— Нет, Хэ Цинхэ всё время сбрасывает мои звонки.

Цзян Ланьцин стиснула зубы и в конечном итоге не выдержала, смахнув всё со стола в порыве ярости, потеряв своё обычное хладнокровие:

— Что этот ублюдок Хэ Цинхэ задумал? Он с ума сошёл? Ему что, его компания больше не нужна?

Чэнь Вэй спрятал телефон и вздохнул:

— «Яюй» зарабатывает или нет — всё зависит от вас, артистов. Если вы все уйдёте, за вами потянутся и другие. Ты же сама знаешь эту истину. Тогда «Яюй» станет пустышкой, и нанесённый ущерб будет огромен. Хэ Цинхэ не может этого не понимать.

— Но я не ожидала, что он пойдёт на такой шаг! По первоначальному плану Цзян Ланьцин, Хэ Цинхэ должен был молча проглотить эту обиду, а они вместе с Чжэн Фанем, пока Хэ Цинхэ будет в панике, быстро откроют новую компанию и навсегда затопчут в грязь «Яюй» и Хэ Цинхэ, чтобы он никогда больше не смог подняться? У меня с «Яюй» осталось всего 23 дня контракта. Пройдут эти 23 дня, и всё будет позади. Почему Хэ Цинхэ внезапно ударил?

— Я давно говорил, что Хэ Цинхэ — не тот, кого можно обижать.

— Значит, ты хочешь сказать, что он сейчас мстит нам?

— Это мы его загнали в угол.

— Загнали в угол? А кто не загнан? Если бы Хэ Цинхэ уделял мне чуть больше внимания, разве бы я думала об уходе? Во всём должен быть смысл. Я, Цзян Ланьцин, гордость «Яюй», мне сложно получить контракт на представление косметики в Азии? Почему Хэ Цинхэ даёт его другим, а не мне? Разве я мало заработала для него за эти годы?

Выпустив пар, Цзян Ланьцин, увидев смущённое лицо Чэнь Вэя, поняла, что выбрала не того собеседника. Она немного успокоилась и спросила:

— Что там говорит Чжэн Фань?

Всё! И ещё скажу пару слов о юридических вопросах в этом фильме, хех, просто не обращайтесь внимания, у нас всё-таки вымышленный мир. Завтра постараюсь вернуться к обновлениям в десять вечера, чмок.